

Ежегодник Японии 2024. Т. 53. С. 87–113

Yearbook Japan 2024. Vol. 53, pp. 87–113

DOI: 10.55105/2687-1440-2024-53-87-113

Анатомия Цусимского инцидента 1861 г. Взгляд через призму дневников участников

Д. Д. Романчев

Аннотация

В 1854 г. японское государство было вынуждено отказаться от политики изоляции, продолжавшейся более двух веков, после чего оно стало частью мирового сообщества. В то время продолжалась Крымская война (1853–1856), которая по своим масштабам вышла за пределы собственно Крыма, и боевые действия шли, в том числе, и на Тихом Океане. В этой непростой обстановке происходило установление дипломатических отношений между Российской Империей и Японией, что в итоге удалось Е. В. Путятину (1803–1883) в 1855 г., когда был заключен так называемый Симодский Трактат.

После неудачных для Российской Империи итогов Крымской войны соперничество между Россией и Британией в рамках «Большой игры» продолжилось, и Япония оказалась в ее орбите уже в 1861 г. Взор русского и английского флотов был обращен на выгодно расположенный остров Цусима. Попытка закрепиться там, однако, закончилась для России неудачно – без участия британских дипломатов и военных. Так называемый «Цусимский инцидент», с одной стороны, показал ограниченность возможностей России на Дальнем Востоке в тот период, а с другой – стал первым со времен инцидента с Головинным в 1811 г. открытым конфликтом между русскими и японцами, усилив в последних страх перед угрозой с севера. Посредничество же Великобритании продемонстрировало её более крепкие позиции в Японии и позволило ей и далее укреплять связи со Страной Восходящего Солнца.

Ключевые слова: Япония, Россия, Великобритания, период Токугава, Цусимский инцидент, бакумацу.

Автор: Романчев Данила Дмитриевич, лаборант-исследователь Центра японских исследований Института востоковедения РАН: 107031, Россия, Москва, ул. Рождественка, д. 12.

E-mail: nickname210366@gmail.com

ORCID: 0009-0007-2363-6051

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Anatomy of the Tsushima Incident of 1861. A Look Through the Prism of the Participants' Diaries

D. D. Romanchev

Abstract

In 1854, the Japanese state had to abandon its 215-year policy of seclusion and unwittingly became part of the world community. Simultaneously, the Crimean War of 1853–1856, the scope of which extended beyond the boundaries of Crimea, raged, with military operations taking place even in the Pacific Ocean. Efimy Vasilyevich Putyatin (1803–1883) eventually succeeded in establishing diplomatic relations between the Russian Empire and Japan in 1855 with the signing of the so-called Shimoda Treaty, despite the challenging circumstances.

After the unfavorable results of the Crimean War for the Russian Empire, the rivalry between Russia and Britain within the context of the “Great Game” continued, and Japan was affected by it already in 1861. The strategically located island of Tsushima caught the attention of the Russian and English fleets. But Russia’s attempt to establish a foothold there failed, and not without the involvement of British diplomats and the military. The so-called “Tsushima Incident,” on the one hand, showed the boundaries of Russia’s capabilities in the Far East at that time. On the other hand, it became the first open conflict between the Russians and the Japanese since the “Golovnin Incident” of 1811, increasing the latter’s fear of the threat from north. Through its mediation, Great Britain was able to further solidify its relations with the Land of the Rising Sun and demonstrated its capabilities in Japan.

Keywords: Japan, Russia, Great Britain, Tokugawa period, Tsushima incident, *bakumatsu*.

Author: Romanchev Danila Dmitrievich, Research Assistant, Institute of Oriental Studies of RAS: 12, Rozhdestvenka Street, Moscow, 107031, Russia.

E-mail: nickname210366@gmail.com

ORCID: 0009-0007-2363-6051

Conflict of interests

The author declares the absence of the conflict of interests.

Введение

К 1853 г. Япония уже более двухсот лет находилась в добровольной изоляции от внешнего мира в рамках политики изоляции *сакоку* – «страна на замке». За несколькими исключениями в виде голландской торговой миссии в городе Нагасаки и доступом туда же китайских торговых судов, Япония отказывала иностранцам в посещении.

Политика *сакоку* начала давать трещину в начале XIX в. на фоне усиления активности иностранных держав в водах Дальнего Востока. Еще в 1730-х гг. у северных берегов Японии проходил один из отрядов экспедиции Витуса Беринга (1681–1741), в 1787 г. – корабли Жана Франсуа де Лаперуза (1741–1788), а в 1804 г. в Нагасаки прибыло посольство Николая Резанова (1764–1807), который пытался завязать экономические отношения с соседней страной. В начале XIX в. также участились контакты русских мореплавателей с японцами на Курильских островах. Периодически эти контакты оборачивались актами агрессии¹ с обеих сторон. Пленение японцами в 1811 г. капитана Василия Головнина (1776–1831) чуть не закончилось войной между двумя странами, но после длительных переговоров он и его спутники были отпущены, спустя 2 года плена.

Вместе с активностью английских судов на юге Японии это привело к изданию в 1825 г. указа, который предписывал стрелять по любым иностранным судам в пределах японских вод.

¹ Инцидент Хвостова 1806–1807 гг. (или *Российское вторжение годов Бунка*) – нападения судов Российско-американской компании на японские промыслы и селения на Сахалине, Итурупе и на побережье северо-западного Хоккайдо, инициированное Николаем Резановым (1764–1807) по итогу его неудачного визита в Японию.

В 1840–1842 гг. Цинский Китай, ранее придерживавшийся политики изоляции, был разгромлен британскими войсками. Империя Цин была вынуждена подписать унижительный для себя мир, начавший в Китае так называемые «сто лет позора». Японское правительство было всерьез обеспокоено событиями в соседнем государстве и, не желая повторить судьбу Китая, стало проявлять осторожность.

Решающую роль в открытии Японии для мира сыграли Соединенные Штаты Америки. В 1842 г. для торговли с США был открыт Китай, а в 1850 г. Калифорния стала частью США по итогу Американо-мексиканской войны 1846–48 г. Эти два события подстегнули торговлю между Америкой и Азией. Кораблям был нужен перевалочный пункт, который позволил бы заправляться углем и провизией. Вкупе с другими факторами, это привело к решению США отправить в 1851 г. в Японию военную эскадру [Eckel 1944 р. 109–110]. Это была не первая попытка США установить отношения, но все предыдущие (в 1837, 1846 и 1849 гг.) закончились безрезультатно [Sewall 1905, pp. 34–35, 49, 56]. Тогда было решено оказать давление на сёгунат с помощью военного флота, противопоставить которому японцам было практически нечего.

В тот же период Россия активно продвигалась на Дальнем Востоке. С назначения Николая Муравьева (1809–1881) губернатором Восточной Сибири в 1850-х гг. начинается активное изучение этого региона, что подвело Россию к заключению в 1858 г. Айгунского трактата с Китаем, по которому граница прошла по Амуру. В 1849–1850 гг. военно-морская база России на Дальнем Востоке была перенесена из Охотска в Петропавловск-Камчатский, сообщение с «большой землей» осуществлялось водным путем по Амуру [Eckel 1944, p. 110].

Таким образом, Япония очутилась в окружении сразу трех крупных держав, стремящихся расширить свою сферу влияния в регионе: США, Великобритании и России.

В 1853 г. коммодор Мэтью Перри (1794–1858) на 4 военных кораблях направился в Японию и принудил японцев к переговорам. Чиновникам сёгуната удалось отсрочить переговоры до 1854 г., и 31 марта был подписан Канагавский договор или Договор о мире и дружбе. Согласно ему, для кораблей США открывались порты Симода (на юго-запад от Эдо) и Хакодате (на севере), где они могли за деньги или путем обмена получать еду, воду, уголь и т.д. [Гримм 1927, с. 50–51]. Хотя соглашение и не было в полном смысле торговым договором,

оно дало зеленый свет другим государствам на заключение аналогичных. 14 октября 1854 г. был заключен англо-японский, а 7 февраля 1855 г. русско-японский Симодский трактат.

Насильственное открытие страны стало спусковым крючком для начала кризиса в Японии. Страна уже десятилетия находилась в состоянии экономического кризиса, которому в свете новых событий было суждено перерасти в политический. Началась череда событий, которая привела к свержению сёгуна Токугава.

В 1861 г. Россия и Япония вступили в конфликт по поводу присутствия русских на о. Цусима. В российской историографии этот вопрос неоднократно поднимался, однако большинство авторов полностью или частично упускали из виду особенности внутриполитического устройства Японии периода *бакумацу* (1853–1867). В данной статье мы пытаемся рассмотреть Цусимский инцидент с точки зрения его непосредственных участников при учете ситуации внутри Японии.

Дальневосточная эскадра

Поражение в Крымской войне подталкивало Россию к экспансии на Дальнем Востоке, где граница сфер влияния еще не была определена. «В Балтике морская жизнь могла быть всегда только искусственной и призрачной, Черное же море было утрачено по Парижскому трактату. Но на далеком Востоке [...] у нас выросли новые интересы поддерживать и защищать которые лежало на обязанности флота» [Беломор 1897, с. 238].

Для продвижения интересов России в китайских водах в 1860 г. была сформирована дальневосточная эскадра, или как её часто именовали «китайская эскадра». Она имела целью оказать давление на Китай на фоне идущей Второй Опиумной войны. После заключения Айгунского мирного договора, который оставлял уссурийские земли в совместном владении, дальнейшие переговоры зашли в тупик. Вышедшая с Балтийского моря эскадра поступила в распоряжение советника в Китае Николая Игнатьева (1832–1908) и всячески способствовала ему в деле заключения нового договора² [Беломор 1897, с. 237–238]. Попутно суда эскадры выполняли задачи по освоению

² Известия о плавание наших судов за границей. *Морской сборник*, № 1, январь 1861, т. 51. С. 30–35.

территорий Дальнего востока. Базой для эскадры выступал японский город Нагасаки, где были арендованы крупные участки земли.

Командующим этой первой в своем роде эскадры выступал капитан 1-го ранга Иван Лихачёв (1826–1907), отобранный лично Великим князем генерал-адмиралом Константином (1827–1892). Лихачёв с 1858 г. готовился к путешествию на Восток, и уже тогда обратил внимание на стратегическое положение острова Цусима [Беломор 1897, с. 238]. 16 апреля 1860 г. он пишет: «По слухам, дошедшим до Гошкевича³, англичане имеют виды на этот остров. Японцы сами говорили ему об этом [...]. Мы должны там их предупредить» [Болгурцев 1993, с. 76–77; Русские моряки на Дальнем Востоке... 2021, с. 20]. В тот же день он дал распоряжение кораблю «Джигит» по пути в залив Бохайвань зайти «в порт на острове Тсу-Сима».

Военная мощь эскадры Лихачёва была незначительной, она состояла из достаточно устаревших на тот момент тихоходных судов – фрегатов, корветов и клиперов, таких как «Джигит», «Японец», «Опричник», «Наездник», «Светлана», «Посадник» и др. [Беломор 1897, с. 240, 245–246]. Лихачёв неоднократно нелестно отзывался об экипажах этих судов и о самом состоянии кораблей [Русские моряки на Дальнем Востоке... 2021, с. 94, 120]. Этими небольшими силами Лихачёв приступил к воздействию на китайское правительство. Присутствие флота сказалось на сговорчивости китайской стороны, хотя Лихачёв и отзывался о русских посланниках негативно: «Проведен целый день в бесполезной переписке с нашим китайским посольством. Ни одной здоровой самостоятельной мысли. Мелочность и нервический страх от всякого вздора. С такими людьми, конечно, и никакого влияния не добьешься [...]». «Толковал с Игнатьевым: одна мысль подавляет в нем все – это желание ускакать в Петербург, сдерживаемая единственно страхом, чтоб там не досталось – *un gai enfant de son pere* [истинное дитя своего отца]» [Русские моряки на Дальнем Востоке... 2021, с. 49, 72, 82].

Несмотря на занятость в китайских делах, уже 2 июня 1860 г. в письме генерал-адмиралу Константину Лихачёв писал, что передал Игнатьеву записку о значимости острова Цусима, и сделал это в спешке, так как опасался действий Англии: «я не могу отказаться

³ Иосиф Антонович Гошкевич (1814–1875), востоковед, дипломат и лингвист, один из первых японоведов России. Первый дипломатический представитель Российской Империи в Японии (1858–1865).

от моего убеждения в необходимости для нас этого пункта [...]. Если я не ошибаюсь, то консул Гошкевич писал в Министерство Иностранных Дел о слухах, дошедших до него о происках Англичан» [Беломор 1897, с. 241].

В ожидании ответа из Петербурга корвет «Посадник» отправился в порт Нагасаки, где был взят в аренду участок в местечке близ горы Инаса. Там возникли разного рода долговременные постройки: госпиталь, пристань, жилье для экипажей. Традиционно для иностранных поселений японские власти выделяли просторные помещения храмов⁴. В дальнейшем пункт дислокации русских моряков в Нагасаки обзаведется собственными банями, хорошо обставленным госпиталем, квартирами для офицеров, учебными аудиториями для юнкеров⁵ [Русские моряки на Дальнем Востоке... 2021, с. 94].

После заключения 14 ноября 1860 г. Пекинского трактата между Российской Империей и проигравшим Вторую Опиумную войну Китаем Уссурийский край был навсегда закреплен за Россией. Посланник Игнатьев спешно отправился в Петербург. В этой связи значение эскадры как фактора давления на Китай уменьшилось. Из состава эскадры выделили группу под командованием капитан-лейтенанта Майделя, состоящую из кораблей «Боярин», «Воевода» и «Джигит», которая 27 января 1861 г. отправилась обратно в Кронштадт⁶ [Русские моряки на Дальнем Востоке... 2021, с. 122]. В итоге эскадра ослабла и переключилась на локальные задачи.

24 декабря 1860 г. Лихачёв получил ответ от Великого Князя, в котором тот описал свою встречу с царем и министром иностранных дел Горчаковым (1798–1883). Великий Князь и царь склонялись к поддержке идеи Лихачёва о важности Цусимы, однако Горчаков, опасавшийся любых международных конфликтов, откrestился от решения вопроса по дипломатической линии, оставив это дело в ведении морского министерства [Беломор 1897, с. 242–243]. В итоге Великий Князь Константин поставил перед Лихачёвым задачу вести сношения с властями Цусима исключительно в рамках морской сделки.

⁴ Известия о плавании наших судов за границей. *Морской сборник*, №1, январь 1861, т. 51. С. 33.

⁵ Донесение начальника нашей эскадры в китайских водах капитана 1-го ранга Лихачева. *Морской сборник*, №3, март 1861, т. 52. С. 238–240.

⁶ Рапорт капитан-лейтенанта Майделя, командующего отрядом судов, возвращающихся из Китая. *Морской сборник*, № 4, апрель 1861, т. 52. С. 596.

«Для этого никакой дипломатии не нужно, и никто этого лучше тебя самого не сделает. Если можешь ты ограничиться местными сношениями с островскими властями, или еще лучше безо всяких соглашений, *par le fait accompli* [де-факто], но только так чтоб от Японцев не было официального протеста [...] это было бы всего лучше», резюмировал генерал-адмирал [Беломор 1897, с. 242–243]. Также в личном письме Константин пишет: «[...] Государь Император полагает, что будет весьма достаточным результатом, если нам удастся добыть себе право устроить на о. Тсу-Сима заведение, подобное тому, какое создано нами в Виллафранке⁷. Феодальное устройство Нипонской Империи, может быть, поможет в сем деле, в том смысле, что Вам удастся ограничиться полюбовною сделкою с местным Князем или владельцем без сношений с Центральным Правительством» [Русские моряки на Дальнем Востоке... 2021, с. 309].

Для Лихачёва ситуация сложилась таким образом, что ответ на его июньский рапорт пришел только в декабре (хотя был написан в начале августа)⁸, и, если в момент активных боевых действий в Китае Цусимская авантюра могла пройти гладко, ныне обстановка изменилась. Во время войны Англии нужна была поддержка России, и в этих условиях британцы могли закрыть глаза на действия русских. Теперь же Лихачёву приходилось рассчитывать только на свои силы.

24 декабря Лихачёв пишет ответ, в котором уведомляет, что приступает к исполнению воли Великого Князя, однако тут же отмечает, что «я предвижу многие затруднения [...] и что на скорое решение вопроса вполне удовлетворительным образом едва ли можно теперь рассчитывать» [Русские моряки на Дальнем Востоке... 2021, с. 123].

В то же время росло и подозрение англичан по отношению к русским кораблям на Дальнем Востоке. Англичане обвиняли Россию в снабжении китайских войск информацией о передвижении союзников, а английская газета *North China Herald* от 1 сентября 1860 г. обвиняла Россию в попытке воспользоваться слабостью Китая, чтобы захватить его. Уже во время Цусимского Инцидента эта же газета

⁷ Угольная станция для русских военных кораблей на Средиземном море близ города Ницца, взятая в аренду у Сардинского королевства в 1857 г.

⁸ Задержка, в частности, была вызвана семейными проблемами адъютанта графа Муравьева майора Хитрово, который по этой причине сильно припозднился.

назовет причиной покушения⁹ на английского посланника в Японии Резерфорда Олкока «нападение» русских на Цусиму [Русские моряки на Дальнем Востоке... 2021, с. 58, 60, 83, 265].

Цусимский инцидент 1861 г.

Остров Цусима занимал важнейшее положение на пути из российского Дальнего Востока в Восточно-Китайское море. Для Японии Цусима была также крайне важна – львиная доля торговли после открытия страны проходила через Внутреннее японское море, одним из проходов в которое служит Симоносэцкий пролив. Вход в него прикрывает собой Цусима. Для России же Цусима могла стать форпостом-гарантом безопасности русского Приморья.

Княжество Цусима состояло из нескольких островов и по-японски называлось Цусима-Футю-хан. В 1861 г. его возглавлял *даймё* Со Ёсиёри (1818–1890), которого в русскоязычных работах называют также Мунэ Ёсиёри.

Цусима-хан всегда испытывал материковое влияние. На острове шла торговля с Китаем и Кореей, его посещали корейские посольства. В связи с этим остров обладал особой «самостью» [Auslin 2006, р. 78–79]. Население было небольшим, крупных городов не было. Капитан «Посадника» в апреле 1861 г. рапортовал о «15000 душах» на острове [Русские моряки на Дальнем Востоке... 2021, с. 168].

Важность Цусимы осознавали и англичане. Английский консул в Хакодате писал: «для нас срочной необходимостью является захват Цусимы и превращение её в остров Перим»¹⁰ [Накамура 1983, с. 198–199]. Ценна Цусима для Англии была еще и тем, что по договорам 1858 и 1860 гг. с Китаем англичане не могли иметь баз между рекой Амур и Кореей, и Цусима могла стать альтернативным форпостом английского влияния в этих водах [Auslin 2006, р. 80]. Англичане проводили гидрографические исследования острова на судне «Saracene» в 1855 г. и кораблях «Actaeon» и «Dove» в 1859 г. [Беломор 1897 с. 240; Русские моряки на Дальнем Востоке... 2021, с. 37].

⁹ 5 июля 1861 г. 14 самураев из княжества Мито напали на британскую дипломатическую миссию в храме Тодзэндзи (ныне район Минато в Токио). В тот момент там находился консул Британии.

¹⁰ Остров в Баб-эль-Мандебском проливе между Африкой и Аравийским полуостровом. В 1857 г. был занят Великобританией.

В 1859 г. английский капитан Уильям Уорд (1829–1900) потребовал от властей Цусимы открытие портов для английских судов (перечень открытых для торговли японских портов был ограничен Ансэйскими договорами).¹¹ Тогда между англичанами и местными жителями произошёл конфликт, в ходе которого были жертвы [Накамура 1983, с. 199]. Позднее местные жители рассказали, что «“Actaeon” однажды выпалил картечью по чиновникам, и убил, и ранил двоих или троих» [Русские моряки на Дальнем Востоке... 2021, с. 170].

Лихачёв узнал о визите англичан на остров из первых рук. Зимой 1861 г. он общался с капитаном судна «Actaeon», которое ранее исследовало остров. По любезному позволению капитана, Лихачёв сумел ознакомиться с созданной в результате описи острова картой и прочими работами, а также узнал о планах «Actaeon» вернуться на Цусиму с наступлением весны [Русские моряки на Дальнем Востоке... 2021, с. 128–129].

Лихачёв принял решение упредить англичан. Он направляет «Посадник» для «описных работ в Корейском проливе и около острова Тсу-сима»¹². В рапорте Лихачёв, перечисляя оставленные им в Японии суда, указывает: «[из них] именно корвет «Посадник», который имеет особое назначение, оторвать его от которого я нахожу решительно невозможным [...]»¹³. Очевидно, что Лихачёв специально не распространялся о задании «Посадника».

13 марта 1861 г. в бухту близ деревни Осаки прибыл «Посадник», который 5 марта вышел из Хакодате с экипажем в 360 человек¹⁴ [Auslin 2006, p. 77]. Его капитаном был Николай Бирилёв (1829–1882), награжденный несколькими высшими наградами за оборону Севастополя. Бирилёв ранее был ответственным за переговоры с властями Нагасаки по поводу аренды части территории, в чем заметно преуспел. Отношения с японцами в Нагасаки сложились у русских моряков очень неплохие: «[...] в Иедо и Хакодате, туземцы нехорошо расположены к европейцам [...] здесь [в Нагасаки] же совершенно

¹¹ Серия так называемых «неравноправных договоров», которые Япония была вынуждена заключить с Западными странами в 1858 г. (пятый год эры Ансэй).

¹² Рапорт начальника нашей эскадры в китайских водах, Контр-адмирала Лихачева. *Морской сборник*, № 7, июль 1861, т. 54. С. 31.

¹³ Рапорт начальника нашей эскадры в китайских водах, Контр-адмирала Лихачева. *Морской сборник*, № 7, июль 1861, т. 54. С. 31, 36.

¹⁴ Рапорты командира корвета «Посадник», капитан-лейтенанта Бирилева. *Морской сборник*, № 7, июль 1861, т. 54. С. 50–51.

противное, – европейцы в большом уважении и почтении у японцев»¹⁵. Возможно, Бирилёв рассчитывал добиться успеха и на Цусиме.

По одной из версий, предлогом к остановке на Цусиме стала необходимость в ремонте [Накамура 1983, с. 198], однако в рапорте капитана Бирилёва, датированным мартом 1861 г., об этом не говорится¹⁶. 13 марта корабль пристал у берегов Цусима-хан, где, по одним данным, получил разрешение на ремонт [Накамура 1983, с. 198], по другим – начал ремонт вопреки протестам местных властей. Кораблю требовалось заменить фок-мачту и отремонтировать кормовую часть, однако это явно не были серьезные повреждения [Болгурцев 1993, с. 76–78].

Далее «Посадник» переместился в залив Асо. По русской версии, «Посадник» получил разрешение даймё Со Ёсиёри исследовать побережье полуострова Имодзаки [Болгурцев 1993, с. 76–77]. 1 апреля «Посадник» отошел к побережью, где команда высадилась, произвела исследование местности, начала заготовку материалов для строительства долговременных укрытий. Возможно, на то было получено согласие Цусима-хан. На это косвенно указывает то, что вместе с русскими трудилось порядка 15–20 японцев [Болгурцев 1993, с. 76–77; Гришачев С. В. 2015, с. 100–102]. Вместе с русскими они рубили лес, строили склады, лазарет, бани, пристань.

О прибытии русских было доложено *бакуфу*, однако обмен посланиями шел медленно. Следует отметить, что главой правительства *бакуфу* на тот момент был Андо Нобумаса (1819–1871), который возглавил совет *родзю*¹⁷ после убийства своего предшественника, Ии Наосукэ (1815–1860). Наосукэ был убит сторонниками изгнания иностранцев, движения *сонно-дзёи*¹⁸, так как при нем было одобрено заключение новых торговых Ансэйских договоров в 1858–1859 гг., а также были начаты масштабные репрессии против

¹⁵ Известия о плавании наших судов за границей. *Морской сборник*, №1, январь 1861, т. 51. С. 39.

¹⁶ Рапорты командира корвета «Посадник», капитан-лейтенанта Бирилева. *Морской сборник*, №7, июль 1861, т. 54. С. 51.

¹⁷ *Родзю* – «старейшина». Высшая должность советника в аппарате правительства сёгуна Токугава.

¹⁸ «Почитание императора – изгнание варваров». Политический лозунг, провозглашенный Аидзава Сэйсисай (1782–1863) в его работе «Синрон» («Новая теория»). В 1850-х гг. вдохновил масштабное политическое движение, призывавшее к немедленному изгнанию из Японии иностранцев и к почитанию императора сёгуном.

оппозиции сёгунату. В связи с его убийством и началом по всей стране волны террора против сторонников *бакуфу*, Андо Нобумаса старался снизить градус накала внутри страны и не делать никаких резких движений. На самого Нобумаса в 1862 г. также будет совершено покушение. Период с 1860 по 1864 гг. отмечен регулярными поджогами иностранных селтльментов, покушениями на иностранцев и их доброжелателей из числа японцев, первыми вспышками гражданской войны.

Кроме того, Нобумаса имел придворный титул Цусима-но-ками, т.е. «владыка Цусима». Хотя этот формальный титул никак не был связан с землями, которыми в действительности владел Нобумаса (его владения находились в Ивакитайра-хан на Тохоку), этот фактор мог оказывать на него дополнительное давление.

При рассмотрении Цусимского инцидента необходимо учитывать внутриполитическую обстановку не только в Японии в целом, но и внутри Цусима-хан в частности. Элиту большинства княжеств того периода раздирали внутренние противоречия. Если говорить более конкретно, то это был конфликт между условными «радикалами» и «консерваторами», под которыми стоит подразумевать сторонников изгнания иностранцев и почитания императора и сторонников союза с *бакуфу*. Княжество Цусима не было исключением. Внутри него также шел спор по поводу противодействия с иностранцами. Для Цусима это было тем более актуально, ибо остров между Кореей и Японией мог легко стать добычей для внешних сил. События 1859 г. с англичанами и 1861 г. с русским кораблем лишь подстегивали этот конфликт внутри элиты Цусима. Со Ёсиёри пытался решить всё мирным путем, не вызывая волнений в народе. Несколько раз он посылал на «Посадник» посланников, расспрашивая команду о целях пребывания.

Между Цусима-хан и *бакуфу* были непростые отношения. Уже после того, как Цусимский инцидент разрешился не в пользу России и было решено передать русские постройки властям острова, *бакуфу* просило консула Гошкевича, чтобы они были переданы именно в управление сёгуната, так как передача местным властям их не устроила [Русские моряки на Дальнем Востоке... 2021, с. 268].

На то у сёгуната были основания. Еще в 1858 г. сёгунат хотел получить земли Цусима-хан в прямое управление, предлагая роду Со переселиться в провинцию Кавати (современная префектура Осака),

однако из-за нежелания лишаться земли предков и привычного образа жизни, элита домена Цусима воспротивилась этому намерению. Сёгунат в этот период уже терял влияние, так что осуществить свое желание он не смог. После Цусимского инцидента главный вассал Цусима-хан Сасу Иори (1802–1862) попытался вместе с Андо Нобумаса вновь разработать план обмена земель Цусима на другую территорию, однако он был раскрыт, а самого Иори убили радикальные вассалы Цусима-хан [Akio 2010, p. 373]. Власть в Цусима-хан перешла в руки радикальной партии, и в 1862 г. она заключила союз с другим оппозиционным сёгунату княжеством – Тёсю, правители которого были связаны брачными узами с Со. Однако, после поражения Тёсю в ходе так называемого «Первого карательного похода»¹⁹ 1864 г., этот союз выльется в гражданскую войну в княжестве Цусима в 1864–1865 гг., когда сторонники союза с сёгунатом поднимут восстание против власти радикалов, убив в процессе сотню вассалов Цусима. Закончится это все политическим хаосом, истощением и без того скудных финансов, ослаблением княжества.

Капитан «Посадника» Бирилёв по прибытии на Цусиму попытался вступить в переговоры с главой княжества Со Ёсиёри, заявив, что англичане готовятся захватить остров. Он предлагал защиту и покровительство [Накамура 1983, с. 199]. Слова его не были в данном случае блефом. Россия с опасением наблюдала за активностью английских судов в 1855 и 1859 гг. в прибрежных водах острова. До консула Гошкевича периодически доходили слухи о намерениях Англии занять остров, которые он передал при встрече Лихачёву: «В то же время японские чиновники под величайшим секретом и с неприкрытым беспокойством несколько раз сообщали русскому консулу и адмиралу о намерении *одной великой державы* [выделено – Р. Д.], Англии – завладеть Тсу-Симою» [Беломор 1897, с. 246–247].

Помимо «Посадника», на русскую станцию на Цусиме в разное время заходили также суда «Наездник», «Разбойник», «Светлана» и т.д. Судя по всему, присутствие русских в водах острова Цусима беспокоило японцев, живших в Имосаки. Согласно одной версии, у них произвели конфискацию территорий для русских построек, по другой же, местных беспокоили слухи о том, что Бирилёв собирался

¹⁹ Первый и второй карательный походы против Тёсю 1864 и 1865–66 гг. – военные походы сёгуна Токугава против мятежного Тёсю-хан. Закончились неудовлетворительно для сёгуната, еще сильнее пошатнув авторитет *бакуфу*.

арендовать часть острова в этом районе, что в конечном итоге также грозило им потерей земель [Накамура 1983, с. 199–200].

Помимо занятий лесозаготовками и строительства, подчиненные Бирилёва заходили вглубь острова, охотились, брали лошадей, ходили в горы. Удалось вырыть колодец, строились угольные склады, дома для командиров. Однако, по посланиям самого Бирилёва можно сделать вывод, что он не до конца понимал настроения местных жителей. В рапорте он писал: «[...] дело шло на лад, дружба царствовала во всей силе» [Накамура 1983, с. 199]. Было ли то умышленное преувеличение, или он добросовестно заблуждался, не до конца ясно.

Сам Лихачёв посещал Цусиму 8 и 28 апреля 1861 г. Он отмечал добродушное отношение японцев²⁰ [Широкорад 2005, с. 177; Русские моряки на Дальнем Востоке... 2021, с. 167, 179], однако ругал Бирилёва за медлительность: «Дела Бирилева идут весьма плохо. Он в течении месяца не дождался ничего. Излишне осторожен, подчиняется всяким японским придиркам и допускает разные стеснения. Умеет ладить с японцами, но если будет продолжать так, то я боюсь, что решительно ничего не сделает» [Русские моряки на Дальнем Востоке... 2021, с. 170]. Осмотрев местность, Лихачёв примерно оценил, где можно было бы разместить батареи, редуты или башни, что позволило бы в будущем контролировать главный рейд. По его мнению, место для станции было идеальное [Русские моряки на Дальнем Востоке... 2021, с. 170, 180]. Во время второго визита Лихачёв отметил, что «дела, кажется, идут хорошо» и что у Бирилёва все же «есть достоинства». В рапорте на имя Великого Князя он также писал: «Здесь приступлено уже к устройству некоторых временных заведений [...]. Необходимые материалы и рабочих доставляют сами Японцы добровольно, за условленную плату». «[...] все, однако же, устроилось вполне дружеским образом, благодаря благоразумию и искусству [...] Бирилева» [Русские моряки на Дальнем Востоке... 2021, с. 179–181, 311–312].

Реальное отношение местных к русскому присутствию оценить сложно. Вполне возможно, что часть населения действительно относилась к русским доброжелательно, однако нельзя забывать о царивших в Японии анти-иностранных настроениях и конфликте внутри элиты Цусима-хан.

²⁰ Рапорт начальника нашей эскадры в китайских водах, Контр-адмирала Лихачева. *Морской сборник*, №7, июль 1861, т. 54. С. 36.

Вопреки сообщениям Бирилёва, 21 мая 1861 г. произошел конфликт. Русские моряки на небольшой лодке предприняли попытку пройти водные врата Офунакоси²¹. В тот период на этих вратах стояла пограничная застава *бансё* (番所) *бакуфу*, и суда не могли просто так пройти через них. Когда русские попытались прорваться, жители местной деревни под руководством некоего крестьянина Ясугоро, а также несшие здесь службу самураи предприняли попытку не допустить этого, бросая в русских камни и ветки. В итоге Ясугоро был застрелен моряками, а еще два японца были пленены. Позднее один из них скончался. [Накамура 1983, с. 200; Auslin 2006, р. 79]. Полное имя убитого было Мацумура Ясугоро (1823–1861) и он действительно был земледельцем, вставшим во главе недовольных местных жителей. Фамилию Мацумура ему даровали после смерти, вместе со статусом воина²². В плен на «Посадник» попали рядовые самураи Ёсино Кадзуносукэ и Оцука Сэйдзо. Ёсино в плену откусил себе язык, после чего умер от кровопотери уже после того, как двоих пленных отпустили. Сложно оценить реальную причину кровопролития, учитывая, что ранее сам Лихачёв проходил этими местами и, как он отмечал, «Японцы сильного и открытого сопротивления не оказывали» [Русские моряки на Дальнем Востоке... 2021, с. 170].

Обоим погибшим возвели памятник и почитают ныне в святилище Ясукуни. В некоторых источниках Ясугоро называют самураем, а Кадзуносукэ и Сэйдзо иногда называют крестьянами [Широкопад 2005, с. 178]. Путаница, скорее всего, вызвана тем, что два упомянутых самурая были *госи*, то есть «сельскими самураями», и могли напоминать земледельцев своим видом. Поскольку Ясугоро даровали

²¹ Небольшой пролив, разделяющий северный остров Камидзима и южный Симодзима. Т.к. пролив Офунакоси высыхает во время отлива, два острова иногда считают одним целым.

²² Kagimoto, Y. (2015) *Matsumura Yasugorō to Yoshino Kazunosuke no ishibumi. Ōfunakoshi Seta* [Monument of Yasugoro Matsumura and Kazunosuke Yoshino. Ōfunakoshi strait] <https://yurapuka.net/tsushima/2015/03/31/%E6%9D%BE%E6%9D%91%E5%AE%89%E4%BA%94%E9%83%8E%E3%81%A8%E5%90%89%E9%87%8E%E6%95%B0%E4%B9%8B%E5%8A%A9%E3%81%AE%E7%A2%91%E3%80%80%E5%A4%A7%E8%88%B9%E8%B6%8A%E7%80%AC%E6%88%B8/>;

Roshia gunkan no ōbō soshi shita Tsushima jiken. Gisei ni natta tōmin tatae, rekishi tsutaeru futatsu no ishibumi [«Tsushima Incident» that stopped the arbitrariness of Russian warships. Two monuments commemorating the victims of the islanders are conveying their history]. *Yomiuri Shinbun, Local Kyūshū news*, 14.06.2023. <https://www.yomiuri.co.jp/local/kyushu/news/20230613-OYTNT50127/>

статус самурая после смерти, его могут ошибочно относить к воинскому сословию еще при жизни.

После случившегося Со Ёсиёри попытался снизить накал напряженности, сообщив своим подданным, что «Это дело государственное и следует обратиться по этому поводу к правительству *бакуфу*, мы направим туда гонца. Поскольку решается судьба дома Мунэ [Со], прошу проявить преданность, чтобы не запятнать имени дома» [Накамура 1983, с. 200; Широкоград 2005, с. 178]. А опасения были вполне реальны: еще до конфликта чиновники Цусима наблюдали собрания местных жителей, на которых они обсуждали необходимость силой изгнать русских с острова [Auslin 2006, p. 79].

В этот момент ситуация переросла именно в то, от чего предостерегал Лихачёва Великий Князь Константин. Из местной морской сделки ситуация переходила в международный конфликт, в который решило вмешаться *бакуфу*.

Следует заметить, что в водах Цусима в тот период находилось также 2 японских и 1 английский военный корабль [Auslin 2006, p. 79]. Когда в мае 1861 г. русские моряки и японские рабочие возводили постройки для русской станции, Имосаки посетил английский фрегат «Актаеон» в сопровождении двух канонерских лодок. Российская сторона любезно приняла гостей, поделившись с ними информацией и припасами. Англичане, скорее всего, передали информацию о присутствии русских британскому посланнику в Японии, так как почти сразу после этого визита к консулу Гошкевичу стали поступать настоятельные просьбы отозвать корабли с Цусимы [Болгурцев 1993, с. 78].

14 июня на Цусиму прибывает посланник сёгуната Огури Тадамаса (1827–1868), который в тот период занимал пост управляющего иностранными делами. Выбор столь высокого должностного лица в качестве посланника на остров говорит о том, какое важное значение сёгунат предавал этому инциденту [Накамура 1983, с. 200]. Еще раньше управляющий города Нагасаки Окабэ Нагацунэ (1825–1867) посылал на Цусиму и близлежащие княжества инструкции предпринять осторожные меры, однако ничего конкретного сделано не было. Параллельно с отправкой Огури Тадамаса на Цусиму сёгунат приказал управляющему Хакодате Мурагаки Норимаса (1813–1880) выразить протест консулу России в Хакодате Гошкевичу [Auslin 2006, p. 80].

В ходе переговоров Тадамаса потребовал, чтобы русские покинули остров, однако Бирилёв отказался, отметив, что не сделает это без приказа [Накамура 1983, с. 200]. Тадамаса, в свою очередь, твердым отказом ответил на просьбы Бирилёва об аудиенции с правителем Цусима-хан. Возможно Тадамаса считал, что предоставление аудиенции было бы равнозначно признанию прав русских находится на острове, что он считал категорически незаконным. Стремление Бирилёва встретиться с местными властями понятно. Именно этого хотел от него Лихачёв – сделки с местным правительством.

27 июня переговоры с Огури Тадамаса были прерваны, и он отправился в Эдо. Там он попытался предложить *бакуфу* перевести Цусима в прямое владение сёгуната, а также провести переговоры по поводу этого инцидента в официальной дипломатической манере, обратившись к международному сообществу, однако ему отказали. Он был против вмешательства Британии, заявляя, что это все равно, что «прогнать тигра от парадных ворот и пригласить волка к задним»²³. Не сумев убедить *бакуфу*, Тадамаса уходит в отставку [Tanabe 1966, p. 177–185; Yokoyma 2001, p. 109–125]

Цусима-хан, оставшийся без поддержки *бакуфу*, был вынужден в итоге дать Бирилёву аудиенцию с Со Ёсиёри 8-9 июля 1861 г. [Болгурцев 1993, с. 77–78]. Бирилёв преподнес Ёсиёри дары: оружие, порох, подзорную трубу и домашнюю птицу как своего рода извинение за долгое пребывание. Бирилёв предложил властям Цусима свое покровительство взамен аренды берегов Имодзаки, за что передал бы Цусима 50 пушек. Со Ёсиёри решил не брать на себя ответственность, поэтому заявил, что хочет, чтобы Бирилёв вел переговоры напрямую с сёгуном, что шло вразрез с планами Лихачёва. Тем не менее сохранился следующий приписываемый чиновникам Цусима документ:

«Князь Тсу-Симский вполне желает принять покровительство России во всех отношениях, во исполнение чего если Русское Правительство признает нужным держать здесь суда, то мы согласны охотно на это, и место от Хироуры до Имосаки включительно и по указанную черту отдать в распоряжение русских судов и под защиту их всю бухту Татамура, то есть от Усисима до Обунокоси. С другими нациями никакого дела иметь не будем. Мы просим Русское

²³ *Tsushima jiken no tsūsetsu o tadasu* (Revealing the myths about the Tsushima Incident) <http://tozenzi.cside.com/tusimajiken.html#%E9%80%9A%E8%AA%AC%E3%80%80%E9%BC%92>

Правительство снабдить нас сколько будет можно новейшими огнестрельными оружиями, а также и просим русских обучать наших молодых офицеров новейшему военному делу [...] просим русских не нарушать наших древних обычаев и не стараться искоренять их веру [...] Но все это мы можем выполнить только тогда, если не будет к тому препятствий со стороны нашего Правительства в Эдо» [Болгурцев 1993, с. 77–78].

Действительно, в дневнике Лихачёва от 29 апреля 1861 г. есть запись относительно разговоров Бирилёва с чиновником Цусима, которые они вели за обедом: «Из их разговоров можно заключить, что мы бы здесь все сделали, если бы у нас был в Иеддо [Эдо] кто-нибудь, чтобы действовал с нами заодно и сколько-нибудь помог бы нам подвинуть вопросы. Все здешние говорят только, что жена и сын князя [...] в Иеддо» [Русские моряки на Дальнем Востоке... 2021, с. 180]. По этому сообщению можно сделать вывод, что фактор нахождения семьи главы Цусима в заложниках в Эдо²⁴ имел влияние на нежелание местных перечить *бакуфу*. Сын правителя Цусима, как сообщали Лихачёву, находился в Эдо в качестве наказания за визит англичан на остров в 1859 г. [Русские моряки на Дальнем Востоке... 2021, с. 170].

Гошкевич трижды встречался с Мурагаки Норимаса и в ходе бесед разъяснял ему, что идея аренды части Цусима – личная инициатива и самоуправство Бирилёва. В цели русских, по мнению Гошкевича, входило лишь защитить Цусиму от нападок Англии [Накамура 1983, с. 201].

Пытаясь найти выход из данной ситуации, правительство *бакуфу* решилось на радикальные меры и обратилось за поддержкой к английскому посланнику Резерфорду Олкоку, который в середине августа направил на Цусиму два судна под командованием адмирала Джеймса Хоупа (1808–1881) [Накамура 1983, с. 201; Auslin 2006, р. 80]. Этот шаг показывал слабость *бакуфу*. Кроме того, это могло привести к занятию острова уже Британией. Андо Нобумаса удалось убедить англичан в угрозе их торговым интересам со стороны действий Бирилёва. С Хоупом Лихачёв был знаком, они встречались несколько раз в водах Китая [Русские моряки на Дальнем Востоке... 2021, с. 49, 56].

²⁴ Санкин котай – «поочередное прибытие на службу», система обязательных для *даймё* и их семей долгосрочных командировок в Эдо. Сочетала в себе механизм финансового давления на удельных правителей, а также элемент заложничества.

Для Британии было важно сохранить нейтральный или зависимый статус Цусимы, которая, как, впрочем, и Япония, выступала бы аналогом Сиам в Юго-Восточной Азии, разграничивая сферы влияния Великих Держав. 28 августа адмирал Хоуп прибыл на Цусиму и передал капитану Бирилёву письмо с протестом на имя Лихачёва [Auslin 2006, p. 81–82]. Одновременно продолжалось давление на Гошкевича. Он заявил Мурагаки Норимаса: «“Посадник” должен уйти, приказ командующего Лихачева давно находится в пути».

Стоит отметить, что три стороны конфликта – Россия, Великобритания и Япония – по-разному описывают фактор вмешательства англичан. С позиции России, японцы были вынуждены отказаться от переговоров с русскими по поводу Цусимы именно под давлением англичан, в то время как власти острова уже были готовы удовлетворить все требования русских. Позиция Великобритании состоит в том, что японцы попросили помощи англичан в деле избавления от «русской агрессии» [Auslin 2006, p. 80–81]. Японцы же не придают действиям англичан столь большого значения, называя дальнейшее вмешательство Великобритании демонстрацией для сохранения баланса сил в Азии. Отдельно отмечается, что именно англичане предложили свою помощь. В третьем издании «Исторического словаря Обунся» указано, что русские были вынуждены уйти из-за сопротивления княжества Цусима и его жителей, а также из-за давления со стороны британских военных кораблей. Действительно, действия Хоупа на Цусиме зачастую придается образ «решительного противостояния» в духе эпохи «Большой игры», однако на деле эффект его прибытия был ограничен. Бирилёв после своего визита никуда не делся, ссылаясь на отсутствие приказа. Если и искать причины ухода русских, то в событиях куда как более ранних. 17 июля управляющий Хакодате Мурагаки Норимаса впервые довел до Гошкевича позицию сёгуната относительно Цусимского инцидента, требуя ухода русских. Гошкевич обещал оповестить об этом Лихачёва. Норимаса повторил свой запрос 8 августа, попутно намекая на недовольство дипломатов западных стран в Эдо действиями России. Он повторил протест 9 и 14 сентября. Уже тогда стало очевидно, что дело выходит за рамки дозволенного. Уже тогда уход русских был предопределен.

Что касается Лихачёва, то еще 7 июня до него начали доходить вести о переходе ситуации на Цусиме в кризисную фазу. Он в этот период находился при губернаторе Приморья и выполнял задачи по

снабжению поселений. В первых числах августа Лихачёв посылает «в помощь Бирилёву» судно «Опричник», а другое – «Абрек» – в Хакодате. «Опричник» должен был доставить на Цусиму приказ об отступлении. 27 августа сам Лихачёв решил идти в Хакодате, зайдя по пути в залив Ольга²⁵. В заливе 18 сентября он обнаружил оставленное ему послание адмирала Хоупа, который был здесь 5 сентября. «Он был на Тсу-Симе, где написал Бирилёву бумагу [...]. Бумага заключает протест против занятия нами места на берегу в Тсу-Симе» [Русские моряки на Дальнем Востоке... 2021, с. 249, 262].

Решение об отступлении с Цусимы Лихачёв принял примерно в начале августа, а англичане решились на отправку кораблей к Цусиме 14–15 августа, то есть уже после. Следовательно, действия англичан могли подгонять отступление русских, но не предопределили его²⁶.

Далее Лихачёв, понимая, что Цусимская авантюра окончательно провалилась, рассуждает в своем дневнике о главных, по его мнению, причинах этого провала. Во-первых, если бы послание пришло в августе 1860 г., а не в декабре, то можно было бы действовать «под гром китайской войны». Теперь же нельзя было ожидать от англичан бездействия. Во-вторых, для успеха нужен был дипломатический тыл. Если бы Гошкевич получил инструкции из Петербурга (а он их не получал совсем) и остался бы в Эдо хотя бы ненадолго, то смог бы понять настроение *бакуфу* по поводу Цусимы и следить за его шагами. В-третьих, факт назначения Лихачёва с эскадрой в помощь губернатору Приморской области сильно отвлек его от дел на Цусиме. «Я взялся за дело с самыми ничтожными надеждами на успех, построенными единственно на умении и ловкости Бирилёва, и, может быть, слишком понадеялся на свою звезду и на авось. Надо было ничего не делать. [...] Пишу это 14 сентября [через неделю] и все не могу прийти к хладнокровному состоянию: я теряю тут, может быть, всю будущность свою. Но, однако, понимаю, что как дело это мне ни дорого, как оно может быть ни важно для России, – должно его тушить», резюмировал Лихачёв, явно пребывая в подавленном настроении [Русские моряки на Дальнем Востоке... 2021, с. 262–263].

²⁵ Ольга – залив Японского моря в Приморском крае России. Местоположение одноименного населенного пункта.

²⁶ *Tsushima jiken no tsūsetsu o tadasu* (Revealing the myths about the Tsushima Incident) <http://tozenzi.cside.com/tusimajiken.html#%E9%80%9A%E8%AA%AC%E3%80%80%E9%BC%92>

Когда Лихачёв прибыл 20 сентября 1861 г. в Хакодате, то здесь обнаружил «Абрека», которому Хоуп также оставил дубликат послания. Как отмечает Лихачёв, в народе начала хождение некая бумага, в которой приводилось «донесение князя Тсусимского о нападении на него русскими». Отдельно Лихачёва удивляло то, что буквально все в курсе, что на Цусиме что-то происходит: «Какого же ждать исхода при таких условиях?» Попутно на Гошкевича активно давили местные власти, в результате чего Лихачёв предложил отправить «Абрек», дабы отозвать русские суда с Цусимы: «желая доказать им наше искреннее расположение», так как на тот момент и «Опричник», и «Посадник» еще были на Цусиме [Русские моряки на Дальнем Востоке... 2021, с. 265–266]. 23 сентября «Абрек» вышел в море, на нем также отправились два японских чиновника.

Стоит отметить, что власти Хакодате также заявили Лихачёву, что собираются разрешить англичанам исключительное право на морскую съемку территории Японии. По словам Лихачёва, он в феврале и марте просил Гошкевича получить это право у японцев. Лихачёв выразил протест японцам, заявив, что у него должны быть те же права, что и у англичан. Японцы отвечали уклончиво, обещая написать в Эдо [Русские моряки на Дальнем Востоке... 2021, с. 266].

19 сентября «Посадник» покинул остров Цусима, а 26 сентября он прибыл в Хакодате, сообщая, что «у него все там было благополучно». 3 октября в Хакодате пришел «Абрек», который ранее 29 сентября одновременно с «Опричником» покинул Цусиму. «Опричник» ушел в Шанхай [Русские моряки на Дальнем Востоке... 2021, с. 267–268]. В контексте конфликтов с местными жителями достаточно необычно выглядит рапорт капитана судна «Опричник» – «Я простился с здешними японцами так, как, может быть, не прощался с моими земляками. Был ли то обман с их стороны или непритворное чувство приязни, но, по-видимому, сожаление о разлуке с нами было непритворное, что же лично до меня касается, то я их вполне люблю» [Накамура 1983, с. 202].

Официальной позицией Министерства иностранных дел было то, что инцидент был спровоцирован Лихачёвым и Бирилёвым без санкции русского правительства. 6 октября 1862 г. Гошкевич писал в Петербург: «Японцы остались не совсем уверены в том, что командир корвета «Посадник» зашел на остров Цусима по необходимости для исправления повреждений, хотя и выражают это сомнение одними

намёками. В общем же этот поступок не относят нисколько к распоряжениям нашего Правительства, но главную идею приписывают начальнику эскадры, а подробнее, особенно насильственные меры, падают на командира корвета, который поэтому прозван Цусимским героем и сравнивается с Хвостовым и Давыдовым» [Соколов 2016, с. 55]. Само по себе сравнение Бирилёва с Хвостовым и Давыдовым, чьи имена для японцев стали синонимом агрессии против их страны, может многое говорить об их отношении к инциденту.

Отдельно стоит отметить, что Лихачёв изначально не нашел в Гошкевиче союзника в Цусимской истории. 18 апреля 1860 г. он писал: «Гошкевич не разделяет моих видов на остров Тсу-Сима. Он принял тот образ действий, какой, конечно, мог: предостерегать японцев от англичан и уговаривал их, чтобы они только держали его *au fait* [в курсе] всех действий и попыток англичан. [...] Но едва ли на это можно полагаться. Надо только найти предлог или случай, чтоб, как можно менее компрометируя себя, предупредить тут англичан [...] [Русские моряки на Дальнем Востоке... 2021, с. 21–22]. Во время визита обоих в Эдо в марте 1861 г. Лихачёв выразил недовольство Гошкевичем, заявляя, что «Он до такой степени легкомыслен и ветрен, что успел уже японцам наговорить о Тсу-Симе [...], на что ни права, ни полномочия никакого не имел». Гошкевич достаточно сильно верил своим японским коллегам, в то время как Лихачёв считал, что он заблуждается в их намерениях, говоря, что «[...] они, кажется, в него и в нас не верят на копейку» [Русские моряки на Дальнем Востоке... 2021, с. 157, 266–267].

Заключение

Анализируя Цусимский инцидент 1861 г., мы можем получить ценную информацию сразу по нескольким вопросам.

В этих событиях прослеживаются контуры потенциального глобального плана России по расширению своей сферы влияния на Дальнем Востоке. Воспользовавшись тем, что англо-французские войска заняты войной в Китае, командир дальневосточной эскадры Лихачёв должен был создать опорные пункты в Нагасаки и Цусиме, добыв таким образом для России незамерзающие порты. Возникшее по итогам Крымской войны опасение замыкания кораблей русского флота в пределах портов и прибрежных вод сильно беспокоило Лихачёва,

и дальнейшие события отечественной истории покажут обоснованность этих опасений. Однако данный план так и не стал частью политики правительства, ибо подобные амбиции разделяли далеко не все. Следовательно не стоит расценивать инициативу Лихачёва как целенаправленную политику России. Однозначно этих планов придерживался сам Лихачёв, в руках которого и были непосредственные рычаги управления на местах. Цусимский инцидент стоит рассматривать именно как его инициативу, которая, в случае успеха, была бы одобрена правительством России, однако в случае любых препятствий со стороны Японии или третьей страны предполагалось от идеи отказаться и считать все действия дальневосточной эскадры самоуправством. В итоге, реальная обстановка на местах и противодействие англичан не позволили реализовать планы по закреплению на Цусиме.

Цусимский инцидент даёт и интересную перспективу внутривнутриполитической ситуации в Японии. Инцидент развивался в сложный для правительства сёгуната период смуты. *Бакуфу* ревностно реагировало на события в проблемном для них регионе, стараясь не давать волю каким бы то ни было сепаратным договоренностям. Успех русских моряков в переговорах с местными властями городов Хакодате и Нагасаки, а также в целом доброжелательное отношение местных японцев могли внушить Лихачёву и Бирилёву надежду на успех и на Цусиме. Однако, в отличие от Хакодате и Нагасаки, которые находились в прямом управлении сёгуната Токугава, Цусима была удельным княжеством, не имевшим полномочий вести переговоры и заключать сделки, а также давно находившимся под подозрением *бакуфу*.

Реакция местных жителей отражает отношение японцев к иностранцам. Русские моряки свидетельствуют о «доброжелательном» отношении японцев. Местные жители и чиновники княжества вполне могли установить с русскими «рабочие» отношения, в то время как другая часть населения Цусимы видела в иностранцах лишь угрозу. Раскол общества – характерная черта периода *бакумацу*.

Инцидент вынудил японское правительство, возможно, впервые обратиться за иностранной помощью. Было ли вмешательство Англии навязано японскому правительству или инициировано им – в любом случае, это был очередной признак слабости власти *бакуфу*. Тем не менее, ему удалось использовать одних иностранцев против других, отстоять целостность страны и не дать никакой третьей стороне занять остров. Впоследствии Лихачёв писал: «Одного только

мы, может быть, достигли: не дали Англии захватить этот остров» [Широкоград 2008, с. 33]. Кроме того, соглашательская позиция по Цусимскому вопросу могла вызвать у западных стран мысль о дозволенности аналогичных действий на землях Японии.

Действия Бирилева, которые многие японцы восприняли как агрессию, прервали продолжительный период доброжелательных отношений между русскими и японцами в дипломатическом плане, напомнив последним о действиях Хвостова и Давыдова в начале XIX в. Страх перед «северной угрозой» был реальным фактором во внутренней политике Японии периода *бакумацу*. В 1866 г. на острове Хоккайдо завершается строительство крепости в европейском стиле – Горёкаку, которая призвана была защитить Японию от русского вторжения. В этой же крепости в 1868–1869 гг., уже после падения власти Токугава, расположился штаб восставших против нового правительства бывших вассалов сёгуна, которые мотивировали свой захват Хоккайдо, в частности, необходимостью защищать северные рубежи Японии от России [Романчев 2024, с. 34, 37]. Однако, стоит отметить, что действия России, хотя и нарушали договоренности между Японией и западными странами, едва ли можно сравнить с инцидентом Хвостова. Русские моряки не отличались жестокостью к местному населению, стараясь решить поставленную начальством задачу максимально мирным способом.

Действия Англии и России по недопущению того, чтобы остров Цусима попал в чьи-то руки, являют собой не только очевидный казус «Большой игры», но и являются предтечей той политики, которую позднее назовут «политикой открытых дверей». В широком смысле слова эта политика предполагала равные права для западных держав в экономической и политической деятельности в Китае, но она в целом отражала действия Великих держав и в Японии периода *бакумацу*. Слова Лихачёва о недопустимости эксклюзивных прав англичан на опись японских вод и английские слова о недопустимости эксклюзивных прав русских на Цусиме говорят именно об этом. Все страны должны были иметь равные права на проникновение в Японию, что было закреплено Ансэйскими договорами. В то же время опыт взаимодействия держав в этом регионе, а также нежелание вступать в прямое столкновение говорят о том, что западные страны скорее стремились к сотрудничеству в ходе империалистического раздела этого малоизученного и опасного региона.

Для России инцидент стал важным уроком, показавшим, что слабая заселенность русского Дальнего Востока, слабая эскадра и удаленность от центра сильно сковывали возможности Империи в регионе. Идея о необходимости иметь незамерзающий порт в морях Дальнего Востока еще не скоро вернется в повестку дня.

Англичане же, хотя и заработали определенные политические баллы в глазах японского правительства, уже в 1862 г. вступают с японцами в конфликт, что закончится бомбардировкой английскими кораблями портов Кагосима и Симоносэки²⁷.

Пример Цусимы показывает, как стремление западных держав сдерживать влияние друг друга в регионах мира формирует политическую повестку в затронутых этим противостоянием странах. Желание России и Англии закрепиться на Цусиме спровоцировало конфликт внутри княжества Цусима, а также между элитой княжества и центральным правительством. Эти противоречия станут причиной гражданской войны в Цусима-хан в 1864–1865 гг., полностью выведя это княжество из политической борьбы периода *бакумацу*.

Цусимский инцидент и действия русской эскадры в 1860–1861 гг. являют собой пример изобретательности и храбрости русских моряков, которые в условиях крайней стесненности ресурсами успешно выполняли свою дипломатическую миссию в Китае, а также утверждали русское владычество на территории будущего Приморья.

Библиографический список

Беломор А. (1897). Тсу-симский эпизод. *Русский вестник*. № 4. Т. 248. С. 234–247.

Болгурцев Б. Н. (1993). Стратегическая ошибка князя Горчакова. *Гангут*. №5. С. 76–79.

Гримм Э. Д. (ред.) (1927). *Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842–1925)*. Москва: Издание Института востоковедения им. Н. Н. Нариманова.

Гришачев С. В. (ред.) (2015). *История российско-японских отношений: XVIII – н. XXI в.* Москва: Аспект Пресс.

²⁷ В 1863–1864 гг. английский флот участвовал в карательных акциях против княжеств Сацума и Тёсю. Это была реакция на убийство самураями Сацума английского гражданина и на обстрел иностранных судов княжеством Тёсю в 1863 гг.

Накамура С. (1983). *Японцы и русские: Из истории контактов* / пер. с японского с сокр. В. Г. Сапожникова. Москва: Прогресс.

Романчев Д. Д. (2024). Феномен «Республики Эдзо» в истории Японии. Попытка сецессии или акт отчаяния? *Вестник ИВ РАН*. № 1 (27). С. 26–42.

Русские моряки на Дальнем Востоке: дневник начальника эскадры в Китайском море И. Ф. Лихачева. 1860-1861 гг. (2021). / под ред. В. Г. Смирнова. Москва: Паулсен.

Соколов А. Р. (2016). *Россия и Япония. Взаимное открытие*. Москва: Алетейя.

Широкоград А. Б. (2005). *Россия выходит в Мировой океан*. Москва: Вече.

Широкоград А. Б. (2008). *Япония. Незавершенное соперничество*. Москва: Вече.

References

Akio, Y. (2010). *Bakumatsu ishin daijinmei jiten, jōkan* [Encyclopedia of Great People of the End of the Edo Period and the Meiji Restoration Period, Second Volume]. Tokyo: Shin jinbutsu ōrai publishing. (In Japanese).

Auslin, M. (2006). *Negotiating With Imperialism: The Unequal Treaties and the Culture of Japanese Diplomacy*. Harvard University Press.

Belomor, A. (1897). Tsu-simskii epizod [The Tsushima Episode]. *Russkii vestnik*, 248 (4), 234–247. (In Russian).

Bolgurtsev, B. N. (1993). Strategicheskaya oshibka knyazya Gorchakova [Duke Gorchakov's Strategic Mistake]. *Gangut*, 5, 76–79. (In Russian).

Eckel, P. (1944). The Crimean War and Japan. *The Far Eastern Quarterly*, 3 (3), 109–118.

Grimm, E. D. (Ed.). (1927). *Sbornik dogovorov i drugikh dokumentov po istorii mezhdunarodnykh otnoshenii na Dal'nem Vostoke (1842–1925)* [Collection of Treaties and Other Documents on the History of International Relations in the Far East (1842–1925)]. Moscow: N. N. Narimanov Institute of Oriental Studies. (In Russian).

Grishachev, S. V. (Ed.) (2015). *Istoriya rossiisko-yaponskikh otnoshenii: XVIII – nachalo XXI veka* [History of Russian-Japanese relations: XVIII – beginning of XXI century.]. Moscow: Aspekt Press. (In Russian).

Nakamura, S. (1983). *Yapontsy i russkie: Iz istorii kontaktov* [Japanese and Russians: From the History of Contacts]. Moscow: Progress. (In Russian).

Romanchev, D. D. (2024). Fenomen «Respubliki Edzo» v istorii Yaponii. Popytka setsessii ili akt otchayaniya? [The Phenomenon of the "Republic of Ezo" in Japanese History. An Attempt of Secession or an Act of Desperation?]. *Vestnik Instituta Vostokovedeniya RAN*, 1, 26–42. (In Russian).

Russkie moryaki na Dal'nem Vostoke: dnevniki nachal'nika eskadry v Kitaiskom more I. F. Likhacheva. 1860–1861 gg. (2021). [Russian Sailors in the Far East: Diary of the Chief of the Squadron in the China Sea I. F. Likhachev. 1860–1861]. Ed. by V. G. Smirnov. Moscow: Paulsen. (In Russian).

Sewall, J. (1905). *The Logbook of the Captain's Clerk: Adventures in the China Seas*. Bangor, Maine.

Shirokorad, A. B. (2005). *Rossiya vykhodit v Mirovoi okean*. [Russia is Entering the World Ocean.] Moskva: Veche. (In Russian).

Shirokorad, A. B. (2008). *Yaponiya. Nezavershennoe sopernichestvo*. [Japan. Unfinished Rivalry]. Moskva: Veche. (In Russian).

Sokolov, A. R. (2016). *Rossiya i Yaponiya. Vzaimnoe otkrytie*. [Russia and Japan. Mutual Discovery]. Moskva: Aleteiya. (In Russian).

Tanabe, T. (1966). *Bakumatsu gaikō-dan* [Diplomatic Talks at the End of the Edo Period]. Tokyo: Heibonsha. (In Japanese).

Yokoyama, I. (2001). *Bakumatsu ishin to gaikō* [The Era of Bakumatsu-Meiji and Foreign Diplomacy]. Tokyo: Yoshikawa kōbunkan. (In Japanese).